



16+

Александр Вовк

# Три исхода одного знакомства

повесть и рассказы

**Александр Иванович Вовк**  
**Три исхода одного знакомства.**  
**Повесть и рассказы**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=57297396](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57297396)  
SelfPub; 2020*

**Аннотация**

Эта повесть, давшая название сборнику, и несколько приложенных к ней рассказов не связаны между собой единым замыслом. Их объединяет лишь год написания, 2020-й, и то, что всё написанное касается многих из нас. Потому что оно вообще о нас, о нашей многообразной современной жизни. То напряженной, то расслабленной, то весёлой, то грустной и даже страшной, пустой или наполненной до предела. О жизни, которая многими соотечественниками проживается будто с закрытыми глазами, будто в полной темноте, в мифах, в мечтах, надеждах, в ожидании любви, счастья, удачи. О жизни, которая совсем не случайно оказывается счастливой или несчастной. О том, как кто-то узнаёт или угадывает правильный путь к счастливой судьбе, а кто-то мечется до конца.

## Три исхода одного знакомства. Повесть

1

– Неужели это он? – вздрогнула Дина, резко подавшись к экрану большого телевизионного ящика. – Неужели он?

И куда сразу делись её невесёлые подведения итогов, тяжело навалившиеся в последний день года? Восемьдесят четвёртого, между прочим, года. В этот праздничный день все женщины обычно на взводе! У них на повестке кухня, причёски, наряды, дети...

«А у меня что? – ещё минуту назад думала Дина. – Ничего и ничегошеньки! Совсем ничего! Разве что сын семи лет и дочери уже двенадцать. Но неделю назад бабушка, мать мужа, уговорила их приехать к ней на каникулы. И ведь уехали! И даже не звонят. А муж накануне рассказал, будто ему выпало суточное дежурство. Второй раз подряд под Новый год. Кто-то там у них и что-то, якобы... В общем, что уж тут говорить, в новогоднюю ночь и его дома не будет! Может, он и правду мне сказал. Скорее всего, именно так, но я теперь многое воспринимаю спокойно. Жизнь без праздников, слава богу, без потрясений. День похож на день. Всю неделю хозяйство, обязанности, работа, хороший муж и дети, а с понедельника всё это же начинается сначала. Надоело! Сплошная рутина! И просветов не видно! О том ли я мечтала? Всё на любовь надеялась...»

Дина с интересом уставилась в телевизор. Ждала, чтобы камера опять выбрала его. Его! Но показывали скучный, как

обычно, новогодний «Огонёк». А в нем, разумеется, за столами с шампанским и фруктами великое множество известных стране гостей – артисты, космонавты, знатные шахтёры, сталевары, механизаторы, доярки... «Все – только не мы! Будто мы всего этого и не достойны!» – подумалось Дине.

Симпатичная телеведущая, которую Дина помнила еще как Грушину, а теперь она Судец, переходила от столика к столику и, завязывая разговоры, пыталась своими лучезарными улыбками создать у гостей и телезрителей праздничное настроение. И в какой-то момент камера снова выхватила его, если то действительно он!

«Боже мой, похож-то как! – загорелась непонятной радостью Дина. – И своим лицом, и тем самым достоинством, которое невозможно было спрятать и тогда, и тем, что тоже военный. Кажется, по погонам целый подполковник. Вот только звезда... Звезда Героя Советского Союза – это уже какой-то перебор! Фантастика! Тогда вряд ли он! Это уже слишком! – она посидела еще секундочку, буквально задыхаясь от волнения, резко спустила ноги с дивана и ближе придвинулась к экрану, чтобы теперь уж совсем ничего не пропустить. – Герой Советского Союза – это явный перебор! – и она неожиданно заплакала, осознав, что теперь вполне могла жить другой жизнью и даже быть женой настоящего Героя Советского Союза. – Боже мой! Боже мой! Кто же знал тогда, что из этого выйдет! А теперь всё настолько заурядно и обыденно! И так всё надоело!»

Грушина остановилась рядом с улыбчивым космонавтом Гречко, увешанным многими высокими наградами, и он, лучезарно улыбаясь, много и долго желал чего-то всем телезрителям. Дина его видела, но не слышала. Она ждала другого.

Когда Грушина поднесла микрофон к Нему, он, что было для него столь свойственно и раньше, сказал что-то совсем непривычное для стандартных случаев. Он сказал, будто в эту новогоднюю ночь никому ничего желать не намерен. И оттого Грушина мысленно уже полетела в тартарары, испугавшись за себя, за сорванную телепередачу, видя, что заранее отрепетированный план «Огонька» рушится этим обаятельным, но недисциплинированным, как она считала, подполковником. Однако он с открытой настежь улыбкой сразу добавил, что в чудесную новогоднюю ночь все-все люди планеты ждут своего счастья, все чего-то желают, что-то загадывают, на что-то надеются... Это правильно и очень хорошо, если они уже знают, что счастье – не подарок! Оно создаётся собственными руками, горячим сердцем и холодной головой! Так что, дорогие друзья! Не забывайте этого до следующего Нового года! И тогда всё в вашей жизни устроится, как вы мечтаете!

Грушина красиво засмеялась, довольная тем, что, в общем-то, не произошло ничего, за что она получила бы выговор, и пообещала сейчас же исполнить любую музыкальную заявку подполковника Героя Советского Союза Сергея Геннадьевича Кондрусева...

Дина охнула:

– Он! Конечно, он! Конечно, Сергей! А его фамилию я даже тогда не знала! Как-то не спросила за наше короткое время.

И через минуту она в голос ревела из-за приступа запоздалой печали и внезапной радости и колотила руками подушку, словно это она во всём была виновата. Виновата в том, что Дина не пошла тогда дорогой, на которую ее звал Сергей. А теперь та неизведанная до сих пор дорога казалась Дине самой правильной. И, судя по золотой Звезде, она действительно оказалась самой правильной для Сергея, а значит, была бы таковой и для нее, для Дины! А ведь Сергей и не скрывал, будто знает, куда и как следует идти. Не скрывал, чего намерен добиться в жизни. И обещал провести с собой прыжком к счастью и ее! Может, не говорил настолько прямо, но это подразумевалось.

Не поверила! Не пошла! Что теперь жалеть? Поздно! Интересно, у самого-то есть своё счастье? Неужели со Светкой? Или и у него как у всех, одни слова? Звезда Героя – это же еще не счастье! Это лишь удача и сопутствующая её вручению короткая радость, к которой всё равно привыкаешь и с каких-то пор даже не замечаешь! Правда, другие люди его Звезду замечают всегда! Другие поглядывают на неё, кто с восхищением, кто с завистью, кто с раздражением. Мол, много тут вас таких развелось, сынков генеральских! И все герои!

Тогда шёл всего-то июль семидесятого. Знойная Одесса, как обычно в купальный сезон, от гостей многократно увеличила своё население. Это всегда с лёгкостью определяли по количеству проданного за день хлеба. Немноголюдный ранним утром пляж «Отрада» почти отдыхал.

Дина с подружкой Светой здесь бывали часто, на другие пляжи ходили редко, и хорошо знали часы, когда не заседают приезжие. Но такое случалось редко.

Привычно и весело сбежав от города с длинной и крутой горы, ведущей к самому пляжу, девушки проследовали к своему обычному месту, почти у воды, и стали располагаться на толстом слое сухого грязного песка, в котором всегда противно вязнут ноги. Смеясь, они расстелили потрепанную скатерку, чтобы не лежать на песке, скинули сарафанчики, накрыли ими босоножки и сумку с провизией, пристроили всё это в изголовье.

Вот и всё! Полная свобода действий! Обоим не терпелось немедленно искупаться, но для начала они всё же огляделись. Купающихся оказалось немного. Неужели вода холодная? В море её температура зависит от течения, которое даже в ходе дня может значительно меняться. А с ним меняется и вода. Это вам не река, где течение стабильное! Но раз уж дети увлеченно строят свои замки у самой воды, а их мамы не особенно беспокоятся возможностью простуды, то вода, пожалуй, в самый раз.

Совсем рядом, сразу и не заметили, на песок без подстилки брошены чьи-то немногочисленные вещички. Все-го-то аккуратно перегнутые три раза летние светлые брюки, прикрытые лёгкой рубашкой в мелкую клеточку. Зато из кармана беспечно выглядывает нечто кожаное, и совсем уж неосторожно блестят часы с металлическим браслетом. «Кто же вещи в Одессе без присмотра оставляет?» – мимоходом удивилась Дина.

Светлана со смехом потянула ее к воде, но Дина вдруг шлёпнулась обратно на скатерку:

– Я ещё посижу, а ты иди! Иди, иди! – поощрила она подругу. – Я за вещами теми погляжу! Видишь, какой-то марсианин всё побросал! Ещё нас и укорять станет, если что-то у него стянут!

– Оно тебе надо? Если у дятла голова не болит! Смотри! Будешь караулить, сама виноватой и окажешься! – засмеялась Света и с разбега плюхнулась в воду.

Скоро солнце припекло основательно, и Дине расхотелось сторожить чужие вещи. Ей тоже захотелось поскорее нырнуть в воду, ещё не совсем взмученную. Захотелось вслед за Светкой доплыть до волнореза, посидеть там, глядя на берег или в сторону полукруглого морского горизонта. Можно так, а можно и иначе! Там хорошо! Вода чистая до дна, людей мало, никто не шумит, и глубоко. Лёгкая волна, разбиваясь о преграды, слегка пузырит зеленую воду. И смотреть интересно, что на берег, что в сторону моря. Всегда что-ни-

будь занимает: пароход, прогулочный катер, дерущиеся из-за корки хлеба чайки или случайное вихрастое облако в голубом небе.

Внезапно на песок плашмя очень уверенно приземлился молодой мужчина. Весь в капельках воды, он вытянул вперёд руки, как бы охватывая на песке свои вещички, и приветливо произнёс в сторону Дины:

– Здравствуй! Моё тебе спасибо за охрану имущества!

Дина оправилась от легкого испуга и, повернув к нему голову, мельком разглядела соседа. Безусловно, сильный и рослый, без лишнего веса, который у ребят заслуживал, по ее мнению, лишь презрения. Лицо, как будто, самое обычное, без особенностей, но с первого взгляда располагающее к себе чем-то непонятым. И что особенно интересно, даже по коротким волосам его причёски Дина с удивлением разглядела, что волосы оказались русыми. Не выгоревшими на солнце, как часто случается, а именно русыми! «Боже мой, как же редко это бывает среди современных соотечественников!» А ей-то всегда казалось, будто светлые волосы и голубые глаза – это неперенные признаки россов! Так куда же они подевались, эти самые россы? Уже не найти, казалось, и вот – свалился рядом прямо на песочек их редкий представитель!

Сосед тоже осторожно рассматривал Дину. Видимо, около двадцати. Можно сказать, вполне приятной внешности. По крайней мере, не крокодил! Хотя девушки, красивые внешне, обычно эгоистичны и глупы! Их с детства все только ба-

луют и тем формируют. И, главное, эта попалась совсем без признаков косметики (может, только для пляжа?).

Косметику, как символ неестественности, парень признавал лишь на лицах женщин, которым за пятьдесят. Но и тогда всякий грим считал умышленным обманом «покупателей», своеобразной маской или даже личиной. Вот так познакомишься с девушкой, потому что она тебе понравилась, а позже выяснится, что понравилась лишь ее маска, а под ней – о, ужас! Совсем другая особа! Но у этой, которая теперь рядом, хотя бы вполне стройная фигурка. Без особой худобы, но и без... В общем, не рожала и, скорее всего, не замужем. Подтверждает догадку присутствие где-то рядом подруги (мужских вещей-то он не обнаружил, а для одной навалено многовато).

– А мы разве знакомы? И даже на «ты»? С каких это пор, интересно? – удивилась, наконец, девушка, почему-то сразу не осадив грубияна.

– Прямо с этой минуты! – очень располагающе к себе засмеялся сосед. – Ты и сама знаешь, если люди доверяют друг другу, то вся их жизнь сразу упрощается! Если же они не знают, какой гадости ждать от собеседника, то на всякий случай соблюдают дистанцию. Тогда, разумеется, лучше на «вы». Ведь так? Но я-то тебе доверяю от и до!

– Ах, вот оно как?! – удивилась безобидной напористости Дина. – Охотно верю вам! Вы мне даже свои ценнейшие штаны доверили! Более веских доказательств и не сыскать!

– Ну, что ты! Я просто оставил брюки здесь полежать... Надеюсь, что мой размер вряд ли кого-то заинтересует!

– О! Вы, видимо, не только мне, но и всей Одессе доверяете? Не слишком ли наивно для взрослого человека? – подколола Дина. – А если бы ваше имущество стащили?

– Ни приведи господь! Тогда мне было бы не до шуток! Женщина без одежды привлекает хотя бы красотой своего тела, а мужчина, лишенный брюк, всегда беззащитен! – сосед опять располагаясь засмеялся. – Но настоящий вор не посмел бы меня обидеть, а всякая мелочь только и ждёт, когда от людской толчеи здесь негде будет встать! Рановато промышлять для мелочи!

– Занятно рассуждаете! – иронично похвалила Дина. – Но почему же вор не посмел бы? Может, вы, то есть, ты, для них вполне свой?

– Ни в коем случае! Я тому сословию по своим убеждениям не подхожу! Просто вор, как мне кажется, решил бы, что мои штаны – чересчур дешёвая приманка! Потому никто и не охраняет, и всё содержимое как блесна на виду! Настоящий вор на такой мелочёвке погореть бы не рискнул!

– Вон оно как! – удивилась Дина. – Вы... Ты, случайно не из милиции?

– Нет! Я армейский офицер, – не стал скрытничать сосед.

– Ах, вон оно как? – засмеялась Дина. – Теперь понятно, откуда молниеносный натиск! Это у тебя профессиональные навыки! Развитие наметившегося успеха, да? Того и гляди,

предложение сделаешь! Красиво, прямо как в старинных романах когда-то писали! Любовь с первого взгляда – раз и навсегда! – она засмеялась, рассчитывая, что и он поддержит шутку.

– Нет! Предложения пока не сделаю! – серьёзно возразил сосед.

– А ты не думаешь, что так и обидеть можно? Неужели в меня нельзя влюбиться?

– В определенных обстоятельствах влюбиться можно даже в Квазимодо! – парень выдержал длинную паузу и добавил. – Но влюбиться, это еще не сделать предложение! Впрочем, меняем тему! Меня родители назвали Сергеем, а тебя как?

– А меня Диной! – представилась девушка.

– Дина, – повторил, будто пропел Сергей. – Это не имя! Это же единица измерения силы света! То есть, света, от тебя исходящего! И скольким солнцам ты эквивалентна?

Дина с улыбкой пожала плечами.

– Выходит, пока и сама не знаешь? Может, мне стоит заняться измерением?

– Занятно формулируешь нагловатое предложение! – благосклонно оценила девушка. – Так что же насчёт того самого предложения? Мне вот известно, что некоторые молодые офицеры, чтобы их за границу пустили, женятся на первой встречной за пять минут! Решительный народ! И всякие дипломатические работники, бывает...

– У кого-то, пожалуй, бывает и так! – подтвердил Сергей. – Но у меня всё будет иначе!

– Ой, ли? Тогда зачем такой напор и стремительность? Зачем решительные действия без определенной цели? – усомнилась Дина. – Я действительно подумала, что ты именно такой! Ну, прямо-таки пятиминутошный!

– Если бы я через пять минут сделал тебе предложение, то это было бы не честно по отношению к нам обоим!

– Вот как! Всё-таки пытаешься обидеть? – прикинулась уязвленной Дина.

– Ни за что! Я объясню! Во-первых, ты бы сама не согласилась! А я такое несогласие понимаю и даже приветствую! Потому не стал бы нарываться на отказ! Не стал бы даже пытаться!

– О! Сразу видна разумная тактика! Анализ обстановки! А потом уже принятие решения! Так? Ну, а во-вторых?

– А во-вторых, если бы ты сразу согласилась, то тогда уже мне предстояло бы крепко подумать, на что я нарываюсь. Почему ты согласилась, совсем не зная меня? Вариантов-то много! Скорее всего, решила по случаю порвать с прежней жизнью! Так? А интересно, почему та жизнь тебя не устраивала? Что в ней было неприемлемого? Изматывающие семейные скандалы? Непонимание родителей? Может, ты приёмная? Или внебрачная беременность? Может, другая житейская трясина? Бесконечные унижения? Но вернее всего, если учесть твой возраст, несчастная любовь... Вот и согла-

силась выйти за меня кому-то назло! Такое может быть?

В тот момент рядом с Диной шумно улеглась ее подруга, мокрая, радостно взбудораженная:

– Водичка, что надо! Но тебе, подруга, в теплой компании и здесь уже хорошо, как я вижу! – засмеялась она. – Брюки-то у товарища так и не стащили? Что ж! Случается и такое! Но коль уж он настолько везучий, что до сих пор не лишился штанов, то, может, познакомишь нас, подруга?

– Я Сергей! – сам представился парень. – Имя своей подруги ты знаешь, а своё – сейчас мне назовёшь! – засмеялся Сергей.

Девушка была не совсем в его вкусе. Не то чтобы внешне подкачала, совсем не так! Но угадывалось в ней что-то излишне деловитое и напористое, что ли? Разве с первого взгляда всё разглядишь и поймёшь? Но какое-то сомнение от ее активности всё же закралось. Впрочем, Сергей вполне мог понапридумывать всякой напраслины, а в действительности девушка окажется чистейшим ангелом! К тому же кое-что в ней сразу понравилось. Какой-то особенный голос, запоминающийся и притягательный. Хотя и низковат, но очень приятного тембра. Его хотелось слушать и слушать. Разумеется, своё мнение, пока неокончательное, Сергей вслух не выразил.

– Ого! Чувствуется, что вы, Сергей, человек напористый и практичный! – вроде бы похвалила его подруга Дины. – Уже всё по-свойски! У такого штаны ни за что не уведут! Такой

сам уведёт, что ему угодно! Впрочем, это лишь мои предположения! Перехожу к церемониалу! Меня зовите Светланой или, если нравится, просто Светой.

– По ходу сориентируюсь! – пообещал Сергей.

– Познакомились? Вот и хорошо! Теперь мы с Сергеем пойдём купаться, а ты посторожи здесь! – Дина за руку потянула Сергея к воде. И он охотно за ней поднялся.

Когда отплыли подальше от берега, где не столь громко галдела ребятня, Дина возобновила разговор:

– Насчёт побега от несчастной любви ты интересно выстроил! Вполне жизненно получилось! Но своими догадками в меня ни разу не попал! Всё мимо!

– А я и не думал попадать! Я ведь делал предположения, а не предложение, а ты на него пока и не соглашалась! В общем, не наш случай!

– Это точно! Не наш! Но одно вероятное обстоятельство ты всё-таки проглядел! А вдруг это любовь с первого взгляда? Потому девушка и устремилась за тобой, особо не размышляя о последствиях! – лукаво заметила Дина.

– Такой любви не бывает! С первого взгляда возможна симпатия, возможна страсть, неприязнь, а любви не бывает! Это – выдумки плохих поэтов!

– О! Ты, наверное, большой специалист по части любви и поэтов! Может, уже женат! Или успел развестись? – съехидничала Дина.

– Это звучит как-то не очень уважительно, что ли? – отго-

родился от подобных подозрений Сергей. – Я не ходок, в том самом смысле, о котором ты хочешь знать! Мне нужна одна и на всю жизнь! Чтобы ни в каких ситуациях не подвела! А за меня ей переживать не придётся! Я не подведу!

– Учу! А на мои вопросы ты не обижайся, мы ведь почти не знаем друг друга! – будто извинилась Дина.

Вместо ответа Сергей сильным рывком всего тела ушёл под воду и настолько долго не выныривал, что девушка, даже понимая правила игры, заволновалась всерьёз. Наконец голова Сергея показалась метрах в тридцати, у самого волнореза, который он сразу и оседлал, обеими руками подзывая к себе Дину.

– Ты настоящий Ихтиандр! – восхитилась она. – Тогда и твоей Гуттиэре придётся жить под водой?

– Что ты! – отклонил эту версию Сергей. – В Сухопутных Войсках с морем встречаются лишь в отпуске! Я ведь простой советский артиллерист! Ещё ракетчик – самую малость!

– Наверное, майор?

– Обижаешь! Я ещё совсем молодой! – засмеялся Сергей. – «Старшой я! Старшой литинант!» – смешно передал он интонацию известного киношного персонажа.

Дина в ответ засмеялась. И опять вернулась к незаконченному разговору:

– А всё-таки, почему ты считаешь, будто любви с первого взгляда не бывает? Неудачный собственный опыт? А в романах о ней чаще всего... И поэты...

– Да ведь это детская тема! Неужели тебе интересно?

– О! Ещё как интересно! – хохотнула Дина.

– Знаешь, если всерьёз за нее взяться, то до вечера проговорим! Тебе скучно станет! – с усмешкой предупредил Сергей.

– Нисколечко! – возразила Дина. – Просто удивительно всё это слышать от молодого человека. Вот если бы ты был стареньким хромым майором! Или хотя бы очень мудрым дядечкой с большой белой бородой, который съел все свои зубы! Такое ещё можно вообразить!

– Знаешь? Именно эти пииты, которые придумали любовь с первого взгляда, ничего в ней сами не понимают! Но без неё им писать-то не о чем станет! А так, накручивай себе, чего хочешь! Печатайся, гонорары получай! – вдруг весьма эмоционально выплеснул Сергей. – Не уважаю пиитов! Не уважаю их лирику! Слово ведь обязано нести некий смысл, идею, образ, давать совет, а у пиитов оно только для рифмы! То есть, для формы, а не для содержания! И у большинства читателей к тому же всегда проглядывается странная приверженность к рифмам! Они прямо-таки млеют, когда им поздравления в стишки облачают! Вот пииты для них и вяжут гирлянды из пустых слов, и мало, кто годен на что-то большее!

– Сергей! Тебе просто не попадались хорошие поэты!

– Обещаю своё мнение изменить, как только хорошие поэты мне попадутся! А вообще-то я уважаю Асадова, Симоно-

ва, Твардовского. Они своим словом самую чёрствую душу насквозь процарапают. У остальных же, считаю, всё слишком мелко!

Дина расхохоталась:

– А Вознесенский? А Евтушенко? А Рождественский? А Есенин, наконец?

– Пока не впечатлили!

– Нет, Сергей! С тобой не соскучишься! Всё у тебя не как у людей! Это моя мама меня обычно так отчитывает! Но у меня-то, как раз, всё как у людей! Ничего оригинального! А вот у тебя... Поэтов почему не любишь! Ха, ха! Ну, почему, старшой? Объяснись для начала?

– Так я и объясняю! Не люблю за то, что жизнь искажают, за то, что приукрашивают! Всё преувеличивают, всё раздувают! За удачное словцо или рифму они мать родную, как говорится... Это они, видите ли, так самовыражаются! Свои чувства и ощущения на рифмы наматывают и молодежь дурчат! А потом молодые да наивные свою возвышенную любовь везде ищут, ждут, и обнаружить не могут! Причем девочки после таких стишков обязательно выбирают себе тех, кто им лучше об этой горячей их любви напоёт! Не понимают, глупенькие, что не о любви нужно думать, а как свою крепкую семью создать! А для этого искать себе друга нужно не из плеяды рифмоплётов, а парня где-то в другом месте. Парня честного, работающего, уважительного и совестливого! Ну и такого-сякого, чтобы оказался по душе, по наклон-

ностям, по интеллекту, по настроению... Потому поэзия, на мой взгляд, большей частью, удел бездельников и чокнутых фанатиков, упорно не желающих признавать истину такой, какая она есть в действительности! Затуманивают они любовь истину! И уж особенно стараются все поэты-песенники.

– Это ещё как понять? В чём их-то особые заслуги? – опять сквозь смех удивилась Дина.

– Поэтов не все читают, не все уважают! А песни слушают все! Потому влияние песен оказывается сильнее любых стишков! А важнее всего, так уж люди устроены, особенно, молодежь, что песни легко проникают в их душу. И мировоззрение формируют, то есть, взгляд на мир. И что же? Тут пииты на голову молодых и вываливают такое, что лишь нашим врагам на руку!

– Сергей! Ты всех поэтов обвинил в том, что они всё преувеличивают, а сам-то! Пытаешься выставить бедненьких, которые тебе почему-то неприятны, в самом дурном свете! Хоть один пример приведи их вредительства, прежде чем судить всех подряд!

– Пример? Сразу трудно вспомнить! Не было, знаешь, как-то желания всю их дурь в своей голове держать! Впрочем, хотя бы это! «Всё на свете я смогу! Я из дома убегу, если ты словечко скажешь мне!» Ну, каково? Соображаешь?

– И что здесь вражеского? Ничего такого не вижу, ничего не слышу! – ещё больше удивилась Дина.

– Ну, как же не слышишь? Этот ее безрассудный поступок

подаётся поэтом, прямо как подвиг настоящий! Как символ высочайшего человеческого достоинства! Ах, ах, ах! Представляете, какая у нее красивая любовь! Ох, ох, ох! Она даже из дома убежит! Но если трезво оценить к чему призывают подростков эти песенки? Что выходит? Только к ненормальному поведению, к заскокам! Она даже не усвоила, как вести себя среди людей! Это что – норма? Будто не понимает, на что обрекает родителей! У неё, видите ли, такая сумасбродная любовь, что родителей уже не жалко! Ей вообще никого не жалко, а лишь себя и эту свою надуманную любовь! Ту самую, которую всякий нормальный человек, уже горбом своим познавший реальную жизнь, однозначно осудит как вредную блажь! Вот тебе, Дина, и первый мой пример! Теперь понятно, как вражеские пииты внедряют в сознание молодых любовную дурь? И недооценивать ее вред нельзя! Она действительно опасна! Ведь подростки не способны отличить вражескую атаку пиитов на свою психику от чистой монеты! Конечно, думают подростки, раз уж всё это передаётся в эфире, раз уж всё официально, значит, всё правильно! И думают, что это идеал отношений, высшая проба любви, если девчонка от любви сойдёт с ума и убежит из дома! Теперь понимаешь? Налицо вбивание в мозги молодым перевернутых критериев оценки собственного поведения! Заметь, эта песенка ни к чему хорошему молодёжь не призывает, а лишь к сумасбродству! «Я из дома убегу!»

– Ну, хорошо, Сергей! Ты неожиданно меня почти убе-

дил! По крайней мере, что-то в этом действительно неразумное просматривается. Но это всего лишь один примерчик! И всё, что ты раскопал против всех наших поэтов?

– Хорошо! Вот тебе ещё! «Не надо печалиться! Вся жизнь впереди!»

– Ну и что? А здесь-то что вредительского? – не поддержала Дина.

– Слушай внимательно! Не надо печалиться – вся жизнь впереди! Не надо печалиться – ложись, друг, и спи!

– Это ты сам прибавил!

– Точно так же любой прибавит! Пиит к этому прямо-таки подталкивает! И незрелый молодой человек непременно последует его совету! Ведь действительно! Зачем что-то делать? Ложись, друг, и спи, ведь вся жизнь впереди! Разлагающая сознание песенка! Явно вражеский продукт!

– Хорошо! – согласилась Дина, всё же смеясь. – А еще знаешь?

– Надо лишь вспомнить! Эти пииты почти всякую песню чем-то гаденьким заминировали! Вот тебе, любимая народом и, особенно, космонавтами! «Надежда... а удача – награда за смелость!» Разве не чушь? В огороде бузина, а в Киеве дядька! Слово удача всегда ассоциируется с пассивным ожиданием! Сама знаешь, мол, повезло! Какая радость, какая удача выпала! А смелость-то здесь причём? Для рифмочки притянута? Или же старались вбить в мозги перевёртыш, будто удача всегда обусловлена смелостью и бесшабаш-

ностью? Читай так, за глупой удалей, за бессмысленной дурью, за пьяными выходками всегда идёт удача! А ведь молодых надо призывать к труду, за которым следует не удача, а успех! Успех – вот к чему надо стремиться! А надежда-удача – это всё западня! Она в молодых мозгах обязательно свой грязный след оставит и на дурные подвиги позовёт!

Дина опять засмеялась с прежним недоверием, как показалось Сергею.

– Ладно! А как тебе наш милый «Михаил Светлов ту-ту»?

– Не поняла!

– Так ведь гимн его! Гимн грабителей, флибустьеров и пиратов, который наши знаменитые идиоты сделали гимном юных комсомольских романтиков! Вспомни сама! «Вьётся по ветру веселый Роджер! Бригантина поднимает паруса! Красота! Люди Флинта песенку поют и пьют за непокорных!» В данном случае непокорные у них, это те, которые против законов идут, выступают против честных людей, грабят их и убивают! Прекрасная программа действия для молодых, для комсомольцев! Не правда ли?

– Вот уж не обращала внимания! Просто красивая песня, и всё! Но с этим ты попал в точку! Действительно пахнет насаждением вражеской идеологии и преступной романтики! Согласна! А еще я вижу, Сергей, что тебе самому трудно это популярное месиво терпеть! Так, может, лучше иностранные песни слушать? Зарубежную эстраду? В ней ничего не понять, потому не за что будет цепляться! Чтобы не

нервировать себя местными антипедагогическими опусами? Что скажешь, бдительный ты наш педагог?

– Так ведь дело не во мне! Молодёжь-то нашу эти чужеродные советские пииты всё равно продолжают отравлять! К тому же я не поклонник иностранного.

– Неужели не нравятся, например, французские спокойные или итальянские заводные песенки? Джо Дассен, например? Или Челентано? Дин Рид? Далида? – поинтересовалась Дина.

– Отчего же! Кое-что... У них тоже есть талантливые композиторы! И исполнители есть отличные! А французы и итальянцы к тому же нам близки по духу, по миропониманию... Почему-то! Это же не янки! Но в данном случае важно другое! – постарался объяснить трудно понимаемое Сергей.

– И что же важно, если не сама по себе удачная мелодия, если не чудесное исполнение?

– Дина! Вот ты помнишь, какой национальности великий русский поэт Пушкин?

– Араб, наверное? Не помню! Причём это?

– Он самый настоящий эфиоп! Вот только вырос в русской среде! И потому стал русским по духу, по языку, по манерам. Эфиоп стал патриотом не Эфиопии, а России. Именно потому, что вырос в русской среде! Понимаешь?

– Ну, да! Кажется! – согласилась Дина. – Конечно, так!

– А кем станут советские мальчишки и девчонки, если они целыми днями будут восхищаться англосакским «дыщ-

дыц-дыц»? Им же это усиленно загоняют под корку! Я тебя уверяю, что многие из них через год-другой возненавидят свою родину, поскольку их душа будет уже там, в США или в Англии! Ведь там, будут они считать, такая классная музыка! Там всё им покажется милее и роднее! Они, как и Пушкин, обязательно впитают в себя то, что долго являлось средой их существования! То есть, американскую, а не родную культуру! И после этого ты будешь утверждать, что те песенки никак не связаны с подрывной деятельностью наших врагов? Скажешь, будто всё это совершенно безвредно для нашей страны, для этих глупых подростков? Будто ничего плохого в этом нет? Будто это у них пройдёт, перерастут? А у Пушкина-то прошло? Он перерос? Или, может, его потом в свою Эфиопию потянуло? Увы! Не потянуло! Потому что вдавленное в детстве в сознание уже никогда не проходит! Африканычи, слышавшие в племени один лишь барабан, навсегда усвоят, будто только он и является источником самой прекрасной музыки! Это и есть частный результат умелой идеологической войны. Она очень эффективно и широким фронтом ведётся против нашей молодёжи! И это совсем не ерунда! Особенно потому, что такую войну за нашу молодёжь мы с треском проигрываем! Ты же сама слышишь во круг? «Советское всё плохо, вот там, вот у них...» Оно и понятно! Люди, в детстве заразившиеся синими американскими штанами с прострочками или неумытыми английскими битлами, дело своих отцов продолжать не станут! Они бу-

дут считать, оправдывая своё предательство, будто отцы во всём ошибались! И страну они по той же причине защищать не станут! Они туда, за бугор, станут с нетерпением поглядывать, пока не появится возможность предать, перебежать, удрать! Разве это ново?

– Да! Вижу, основательно вас, военных, накачивают! А тебя, Сергей, пожалуй, совсем перекачали! Неужели всё так остро обстоит, как ты мне нарисовал? Неужели без тебя некому об этом подумать и, если надо, что-то подрегулировать? Неужели ты считаешь, будто ты один за всё в ответе? Ты, прямо под танки уже готов лечь за нашу оскверненную якобы молодёжь! И оттого мне кажется, что ты, куда больший оригинал, нежели мне сначала показалось! – с иронией в голосе засмеялась Дина.

– Не мне судить, какой величины я оригинал! – уверенно заявил Сергей, не обижаясь, хотя понял, что всерьёз Дина его откровения не воспринимает; по крайней мере, в этом вопросе. – Я свои взгляды не маскирую, а ты уж делай свои выводы сама!

– Ну, ладно! Не любишь ты поэзию! И считаешь иностранную эстраду вражеской подрывной деятельностью! Но ты хотя бы признаешь Пушкина или Цветаеву?

– Насчёт Пушкина разговор особый. Оставим его на потом! А Цветаеву я не признаю! У нее же болезненные миражи! Не на почве поэтического познания мира, а на почве одной специфической женской патологии... Отсюда и весь ее

бред! Но если ты склонна к серьёзному разговору, то скажу тебе почти по секрету, – Сергей сделал таинственное лицо и придал голосу соответствующую интонацию. – Я признаю не только научный метод исследования реальности, но, в какой-то степени, и поэтический. Бывает и такой. Но он утонул в массе паршивеньких рифмовок, которыми забили головы девочкам на выданье! Но поэтический, то есть, образный метод исследования мира всё же существует!

– Интересно! – созналась Дина. – Но непонятно!

– Да что там! – разгорячился Сергей. – Вот скажи мне, какие награды – военные или трудовые – имеют больший вес? В смысле почёта!

– Ну, знаешь ли? Тебя не занесло, случайно? Мы же о поэзии... – слегка растерялась Дина.

– Так я в качестве примера! Чтобы понятнее стало! Понимаешь, если это выяснять научным методом, то нужно столько доводов привести, столько слов сказать, столько времени убить, столько копий сломать! В общем, долго и неубедительно! А если использовать поэтический образ, то... Вот, оцени Ольгу Бергольц: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд!» И всё яснее ясного! Ведь так? Это образ работает!

– Здорово! – согласилась Дина. – А говорил, будто всех поэтов не уважаешь...

– Метод образов иногда действительно хорош, но редко! Владея им, не создать ни ракету, ни даже простейший пыле-

сос. Так, одни охи и ахи! А людям в жизни нужны не стишки, которые они почему-то безмерно обожают, а инженерные методы, то есть, нужна опора на науку, на результаты изучения реальной действительности, на открытые учеными законы любых земных процессов, а не на охи, не на описание ощущений и чувств лирически настроенных бездельников!

– Так что же, все поэты... – не закончила фразу Дина.

В этот миг будто неоткуда набежала высокая волна и смыла обоих со скользкого от тины волнореза. Сергей и Дина весело рассмеялись и снова ухватились, как смогли, за утопленную сантиметров на десять мощную бетонную конструкцию. Прохладная вода вокруг забурлила и запенилась. Обоим было хорошо. Потом набежала новая волна, но значительно слабее, всё же, легко смывая их с волнореза.

– Ну что? Плывём обратно? – спросил Сергей.

Они поплыли к берегу неспешно, чтобы не задыхаться.

Вдруг Дина вскрикнула:

– Ой, очки! Уронила, ворона... А здесь так глубоко! Плакали теперь мои очки!

Сергей шумно вдохнул полной грудью и, ловко изогнувшись, вертикально ушёл под воду. Вынырнув через минуту, поинтересовался:

– Твои какие? Выбирай! – в его руках оказались две пары.

Дина счастливо рассмеялась:

– Как просто всё у тебя! Я выбираю эти, свои, а другие, пожалуйста, положи на место! Чужого нам не надо!

– Так их на дне скопилось, будто на складе! И вряд ли кто-то с накладной придёт!

– А почему же никто не ныряет?

– Тебе же самой прическа дороже очков? Вот и другим также! А эти я отдам твоей подруге, – пояснил Сергей. – Пусть человек порадуетя!

– А что, все артиллеристы умеют нырять как подводники? Раз, и готово! – поинтересовалась Дина, надев свои очки.

– Нет! Это от калибра артиллеристов зависит! – пошутил Сергей. – Твоя подруга, как мне кажется, в поиске друга находится, ко всем очень уж требовательно присматривается? Или мне показалось?

– Не солдафонь, пожалуйста, Серёжа! Тебе это не идёт! Разве не понимаешь, насколько не деликатно у девушки спрашивать о ее подруге? Да ещё, как мне показалось, в какой-то развязано-вульгарной форме! С намеками!

– Из твоего замечания я делаю вывод, что ваши отношения не столь уж безоблачны! – констатировал Сергей. – Что же вас связывает? И вообще, о себе ты до сих пор ничего не рассказала. Учишься? Работаешь? Одесситка или приезжая?

– В моей жизни вообще мало интересного! Так себе! Среднестатистическое детство, потом школа. Всё это прошло в Одессе. Теперь вот перешла на второй курс ленинградского университета.

– А факультет? Уж не исторический ли?

– Не угадал! А почему про исторический подумал?

– С опаской подумал, – сознался Сергей. – Очень уж не уважаю историков! Вернее, они сами не дают оснований, чтобы их уважали! Но бог с ними! Так какой факультет?

– Надеюсь, к биологам у тебя личных счётов нет?

– У меня личных счётов вообще ни к кому нет! А к будущим биологам, и подавно! Зато к биологам давно прошедших, да и нынешних лет, претензий очень много!

– И чем они тебе не угодили? – засмеялась Дина сквозь усиливающийся интерес к Сергею.

– Халтурщики они! Ведь только от них нам и известно, как они старались всякие сорта и породы улучшать, вот только выходило у них всё наоборот! Брала лучшее природное, а получалось уже своё, рожденное биологической наукой, всякими Вавиловыми, но хуже некуда! Разве не так?

– Например!

– Хорошо! – легко согласился Сергей. – Давай рассмотрим, как это у них происходит. Сначала те ваши ученые отбирают в природе лучшие семена. Так?

– Допустим! И что с того?

– Потом хранят их в почти нереальных условиях. Температура, влажность! Чтобы мыши не слопали, чтобы сорняками или жучком не заразить... Ну, ты знаешь, наверно!

– Ну, ну! – сгорала от нетерпения, подавляя смех, Дина.

– А через полгода эти семена они, наконец, высевают. Это тоже большая работа! Вспашка, боронование, точная глубина заделки, достаточная температура и влажность почвы.

Так?

– Да не тяни! – не выдержала Дина. – Когда уже до сути дойдешь?

– А ты не торопись! Дело это небыстрое и спешки не терпит! Ждут они! Сомневаются, прорастут ли семена? Долго ждут! Но вот удача! Проросли. Уже приятно! Поливают, окучивают, борются с болезнями, борются с вредителями, снова окучивают, опять поливают, опять долго ждут созревания!  
Так?

– Издеваешься?

– Ладно! И вот однажды начинается побоище!

– Какое еще побоище? – уже не сдержала звонкий смех Дина, едва не захлебнувшись волной.

– Побоище или битва за урожай! Понимаешь, у них не работа, а настоящая битва! И все они раненные! Разве не смешно? Такие особенные словечки подобраны, чтобы все понимали, какая труднейшая и опаснейшая у них работка, у этих биологов! Битва за урожай! А с кем они борются, никогда не говорят! Видимо, сами с собой! Не дай-то господь, ещё враг узнает! Колорадский жук или саранча, например!

– Да ладно тебе издеваться! Эту пресловутую битву журналисты придумали! Для образности! Не сами же биологи! И вообще, не убедительно как-то! – всё еще смеялась Дина.

– Так я и не дорассказал! Когда битва закончилась, оказалось, что всё, как всегда! Потери урожая очень велики! Недобор, недовес, недокорм, недовоз! И что особенно обид-

но, погода опять подкачала! Весна пришла слишком рано! Или слишком поздно! И дождей не было! Или было их чересчур много. Или не тогда, когда их наши мудрые биологи ждали! Или заморозки случились ранние. Или солнце палило сверх меры! Или суховей налетел! Или туманы одолели. Потому урожай, конечно, собран, но небольшой! И не весь! Остальной урожай помешали убрать дожди! И в валках зерно почему-то проросло! И на токах сушилки не справляются! И на элеваторах очереди с полдня! Автомобили, которых жутко не хватает для стремительной перевозки урожая, безнадежно простаивают в тупых очередях. Никакой организации! Только голуби и довольны!

– А им-то чем угодили? – спросила Дина.

– Так как же? Вдоль дорог столько зерна рассыпано ветерком из кузовов и щелей, столько зерна на территории элеватора просыпано, что голуби ходят всюду размером с кур! Они и взлететь до зимы не могут! Как страусы! И воробьи от них не сильно отстают! Тоже разъедаются! Скачут, круглые как килограммовые коlobки, взлететь уже не могут!

– Повеселил! Но погода действительно урожаю часто вредит! Природа непредсказуема! Причем же здесь биологи?

– Вот мы и подошли к их роли! Это же они сорта создают, отбирают, улучшают, культивируют, приспособливают, акклиматизируют, районируют... Генетики наши ненаглядные! Так? А теперь обрати внимание на дикую природу. На самые обычные сорняки. Никто их не собирает, никто не от-

бирает, не отбраковывает, не облучает, не хранит всю зиму, пылинки сдувая, а они весной сами все дружно прорастают. И плевать они хотели, если бы смогли, на заморозки, глубину заделки, перепашку и боронование, на окучивание и обработку! На всё, что делают биологи! Сама знаешь, с сорняками все борются всевозможными методами, их перепаживают, пропалывают, травят, а они – тут как тут! Причем, глядишь и восхищаешься, мелкий такой соснычок, неказистый совсем едва выбрался из земли и сразу над ним цветочек появился, а потом и колосок, и семена. Пшеница еще подняться не смогла, а тот сорнычок уже третье потомство всюду разбросал. И оно весьма жизнеспособное! Закрепился! И никто и ничто сорнякам на земле не страшно! Кроме биологов, разумеется! Вот если они за те сорняки возьмутся, если решатся их улучшать, то тогда сорнякам точно кирдык придёт! Против благих намерений наших великих биологов даже сорняки не устоят!

– Ну, знаешь! – не выдержала Дина. – Это уже явный перебор! И даже оговор! Сколько выдающихся биологов пыталось своими достижениями мир накормить... Тот же Николай Вавилов, которого ты упоминал. Он такую коллекцию собрал, а самого за неё расстреляли! Столько людей над проблемой еды работали, а ты всех одним чохом!

– Дина! Вавилова, между прочим, никто не расстреливал! Он своей смертью умер в саратовской тюрьме. От истощения.

– Вот! Ты и сам мои слова подтверждаешь! Он весь мир хотел накормить, а ему это сделать не дали, раз сам умер от голода! И по-прежнему биологи у тебя во всём виноваты?

– А ты считаешь, будто во время войны бойцы на передовой должны были голодать; в тылу люди должны были ещё более жестоко голодать, а заключенные в тюрьме преступники должны были питаться как в санатории? Да и осужден Вавилов, думаю, вполне справедливо! Ему ведь государственную задачу ставили накормить народ, создать для Сибири, куда немцы во время войны не дотянутся, морозоустойчивые сорта, а он дефицитную валюту на экспедиции по границам истратил да бесполезные НИИ создавал. И пристраивал в них купеческих детишек, поскольку и сам был сыном купца! Вот ему такая классовая солидарность боком, думаю, и вышла! Его НИИ действительно оказались пустышками. Ни одного сорта, одни лаборатории с пышными названиями! Кому они нужны? Щеки от чванства надувать? Деньжищи за липовые ученые степени хапать?

– А ты что-то слышал о гомологических рядах Николая Ивановича Вавилова?

– Это такая таблица видов? Её якобы приравнивают к Периодической таблице Дмитрия Ивановича Менделеева, да?

– Вижу, слышал! – подтвердила Дина. – А то, что ею восхищаются лучшие ученые мира, ты знаешь?

– Я знаю! Знаю и то, что большинство этих ученых так же являются напыщенными индюками, проку от которых для

людей маловато. Они оберегают лишь свой псевдонаучный авторитет!

– Ну, знаешь! Это уже выходит за рамки! – не сдержалась Дина. – Для тебя даже ученые мирового уровня не указ? Будто ты сам... Такой уж весь!

– Это не те ли ученые, которые от зависти обгадили даже Ивана Владимировича Мичурина? Они-то сами ни одного сорта стране не дали, кишка тонка, а он вывел десятки или даже сотни. Да ещё, какие чудные сорта! Урожайные, ко всему устойчивые, вкусные! Вот те ученые над ним и измывались от зависти! Мол, научных степеней не имеет! Не профессор! Самоучка! Мол, не стоит обращать на него наше драгоценное внимание! Представляешь, что этим ученым важнее всего? Чтобы были степени кандидата, доктора, звания академика! А сорта, которые на благо народа стали подарком Мичурина всему человечеству, их никак не заинтересовали! Они, как результат труда, всяким ученым оказались не нужны! Вот и проговорились, голубчики! Все, как один! Настоящий клановый заговор! И ты удивляешься, почему я их считаю шарлатанами и паразитами?

– Положим, Мичурина не так уж и обгадили, как ты говоришь. Он и доктор биологии, и Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, и почётный член Академии наук СССР, и академик ВАСХНИЛ. Вот Лысенко действительно вредил, а тень на всех биологов до сих пор падает! – сделала попытку защитить свою будущую специальность Дина.

– Насчёт Мичурина разговор особый! Награды и звания были, но суть от того не меняется! Обгаживали! А насчёт Лысенко, и подавно – ерунда! – сразу возразил Сергей. – Я со стариками в колхозах-совхозах говорил, они до сих пор очень уважают Трофима Лысенко. Особенно за его нестандартную кормежку во время войны. Возьми хотя бы картофельные очистки. Это же идея Лысенко очистки из всех столовых страны собирать и определенным образом проращивать. Трудно сосчитать, сколько людей спасла та его картошка из очисток. А ведь то, далеко не все его дела! И настоящие дела, между прочим, а не фиктивные, как у вавилонских! У Лысенко ведь были и сорта зерновых, созданные именно им! Лысенко был настоящим мамонтом в своём деле! Пусть где-то случайно и натоптал!

– Так почему же и Сталин его с должности снял, и Хрущев потом тоже снял?

– За Сталина не скажу. Не знаю тех обстоятельств. А Хрущев сначала на него молился, а снял, когда Лысенко выступил против освоения целины. Он был сначала за небольшой эксперимент! Убеждал, что без проверки возможности распашки целины на небольших участках нельзя браться за всю огромную целину. Надо получить опыт, а уж потом... В общем, он, по сути, выступил против Хрущёва! А тому всё сразу подавай! Зачем проверять, зачем думать, он итак самый умный! Но уже на второй год оказалось, что прав оказался Лысенко! Бездумно распаханная почва в первый год дала

неплохой урожай, а потом почти везде подверглась сильной эрозии. Ветры полностью сдували плодородный слой. Собирать зерна стали меньше, чем посеяли! Зато украинские, ставропольские, ростовские, воронежские и прочие главные наши земли остались без средств, без денег, без удобрений, без техники... Урожайи и там значительно снизились! Всё ведь пошло на целину и сгнуло вместе с эрозией!

– Боже мой! Ну откуда ты всё это знаешь? Так уверенно говоришь! Прямо-таки профессор!

– Так я с агрономом одним беседовал, с бригадирами, с председателем колхоза, когда со своими орлами картофель для части на зиму заготовливал. Они мне на многое глаза тогда раскрыли! На то, что в газетах никогда не прочитаешь!

Дина промолчала, задумалась.

– Так ты ленинградка? – спросил Сергей, чтобы сменить направление разговора. – И проживаешь, конечно, по адресу: набережная Фонтанки, дом двенадцать?

– О! Ты и это знаешь? Только там теперь музей-квартира Пушкина! А я... Родители всегда жили далеко от центра, на Замшина. Я там родилась, но жила, большей частью, в Одессе, у бабушки. Теперь ее не стало, вот Светка меня к себе и пригласила. Когда-то мы в одном дворике жили и в одном классе учились. А ты, значит, из Ленинграда?

Сергей засмеялся и отрицательно завертел головой:

– Совсем не значит! Не люблю места, где летом белые ночи, а зимой черные дни! Я, скорее, с ашхабадской Текинки!

Или с ташкентского Чиланзара! А можно сказать, что с берега Енисея! Из Кременчуга или из белорусских Белокоровичей. Отец был военнотружущим, потому мы успели везде и всюду! Я только школ сменил около десятка!

– Вот это интересно! И сколько, видимо, друзей после этих путешествий всюду оставил? – восхижилась Дина.

– Признаться, не так уж много! Все по стране растерялись, как и я.

Они вплыли во взмученную многими купальщиками воду. Сделалось мелкоовато, чтобы плыть, и парочка, с трудом перебирая ногами, медленно выбралась на пологий песчаный берег, а потом наперегонки кинулась к загорающей Светлане. В этот момент Сергей без предупреждения и всякого разбега сделал в воздухе сальто, уверенно приземлившись на ноги. Даже не зевавшие рядом соседи присвистнули от удивления и восхищения, а Светлана, следившая за подругой и новым знакомым, захлопала в ладоши:

– Вот это да! Удивил! Стало быть, ты из цирка? Контрамарками, случайно, не богат?

– Билетами в цирк могу обеспечить вас и без контрамарок! Но дальше – без меня! Я в цирке засыпаю от скуки!

– Оригинально! Ничего не скажешь! – засмеялась Светлана. – Вы же, Сергей, как оказалось, очень разносторонний и интересный человек!

– Рад, что ты сразу так высоко меня оценила! – парировал Сергей. – Прямо, насквозь всех видишь!

– Если бы ты, подруга, только слышала! – заметила Дина. – Наш новый знакомый всех ученых разнес в пух и прах! Они у него все оказались прохвостами и завистниками! А уж от биологов вообще мокрого места не оставил! И поэзию раскатал заодно!

– Ничего! Это пройдёт! – успокоила Светлана. – Это у него юношеский нигелизм, максимализм и прочий дурализм в крови ещё играет!

Сергей хмыкнул, оценив силу удара, но возражать и защищаться не стал, потому Светлана решила атаку продолжить:

– Биологов всякий ущипнуть может! Ведь у них множество болевых точек! А как насчёт физиков, уважаемый Серёжа? К ним тоже есть претензии? Они тоже все шарлатаны?

– Об этом мне агроном не рассказал! – отшутился Сергей. – Но вопросы и к ним имеются!

– Вот как! – обрадовалась Светлана и стала ехидничать. – Чувствуете в себе огромный потенциал? Готовы всё и вся ниспровергать? Всё до вас делалось неправильно? Ведь так?

– Возможно, и не всё! – со смехом уклонился Сергей.

– А нельзя ли поговорить о претензиях к физикам более конкретно? – не унималась Светлана. – Что-нибудь разгромное или так себе?

– Сами судите! – начал Сергей. – Ни один физик не может объяснить природу и существо даже привычного всем электричества!

– Ах, ах, ах! – пропела Светлана. – Бедные наши глупень-

кие физики! Розеток всюду понавтыкали, трамваев понапустили, а что такое электричество без товарища Сергея до сих пор не поймут!

– Так и есть! Но попробуем без сарказма! Хорошо? – постарался овладеть инициативой Сергей.

– Это – можно! Это – пожалуйста! Это – хоть куда! – засмеялась Светлана.

– Вы сами-то, девочки, помните, что такое электрический ток? Не забыли после школы?

– Что вы! Что вы! Мы ничего не забываем и ничего не прощаем! – захохотала Светлана. – Мы такие! Злопамятные и мстительные!

– Да что сложного-то? – вступила в разговор Дина. – Это направленное движение электронов! Правильно?

– В учебниках так и написано! – подтвердил Сергей. – Но давайте вместе подумаем! Если электроны начинают дружно вылезать из своих атомов и куда-то направленно перемещаться, то почему не происходит атомный взрыв? Атомы ведь разрушаются, если электроны куда-то из них выходят и уходят! И значит, по теории, выделяется атомная энергия! А в реальности ничего этого не происходит! Потому и вывод приходится делать, что физики чего-то не понимают! Одна теория с другой у них не вяжется! Открылись, как говорят, антагонистические противоречия! И потому физики пасуют! Да, согласен! В чём-то они молодцы! Разработали множество всевозможных инженерных методик для расчета электриче-

ских цепей! И эти методики прекрасно работают, но что такое ток, никто объяснить всё-таки не может! А если вести речь о переменном токе, то там вообще – темный лес! Электроны якобы шатаются туда-сюда, значит, вообще энергию никуда не переносят! Сами-то на месте остаются, только шатаются! А всё электрическое почему-то на переменном токе всё же работает! Такого у физиков по их теории и быть не может, но оно же есть! Разве это не чудеса, физиками необъясненные? Выходит, что они, как и биологи, тоже не понимают даже азов своей науки!

– Сергей, а почему бы тебе с Эйнштейном этот проблемный вопрос не обсудить?

Сергей не растерялся, будто был готов к такому повороту:

– Это ни к чему не приведёт!

– Интересно, почему же? – не успокоилась Светлана. – Слабоват, что ли гений оказался?

– Ты права! Я как-то читал, что он был настолько слаб в науках, что не смог сдать даже вступительные экзамены в университет. Но его очень активная мама подсуетилась. Она была, бог знает, кем? Как будто секретаршей у самого Рокфеллера или Моргана! Так мама договорилась с ректором, чтобы тот порепетиторствовал ее сыночку! Каково? Но и это еще не всё! У нее хватка была как у бульдога или осьминога. Потому ректор не только стал готовить ее Альбертика к поступлению к себе в университет, но за умеренную плату, как я понимаю, еще у себя в доме его разместил! То есть, сдал

ему жилплощадь! После такого реверанса уже никто не мог ректора упрекнуть, будто он взятки за поступление берет! Мудро ведь? Но Альбертик всё равно не осилил экзамены! Завалил!

– И что же? Он так и не получил высшего образования? – удивилась Дина.

– Получил! Но учился как недостойный, за деньги! Так могли учиться даже самые бестолковые! Причем, только заочно, чтобы над ними не смеялись! А когда с грехом пополам дотянул до окончания университета, его никто еще гением не считал. Никто не обнаружил его гениальности! Но опять же мама устроила его в Женеве не преподавать в университет, а, кажется, клерком. И не куда-то, а в патентный фонд. Понятно же, что туда мощным потоком стекались все передовые научные идеи, все изобретения! И там Альбертик не растерялся! Через какое-то время он до того обнаглел, что не регистрировал интереснейшие идеи до тех пор, пока сам, всё слизав, не публиковал их от своего имени, обеспечивая себе фальшивый приоритет! Это доказано! А потом вообще стал присваивать себе даже то, что уже давно кем-то официально запатентовано! Чистейший плагиат! Абсолютная уголовщина! Но странно! Никаких судов, никаких протестов не поступало. А если кто-то и возмущался, то сам куда-то чудеснейшим образом исчезал. Или экстренно ложился в больницу, из которой его выносили через морг! Станных совпадений набралось чересчур много! Но и это не всё! Есть ин-

тереснейшая информация для тяжких размышлений! – Сергей засмеялся, как-то облегчив понимание этого неожиданного монолога. – Интересно, что свою Нобелевскую премию Альбертик до копейки отдал бывшей жене, тоже физику.

– Ну и что с того? Это лишь характеризует его, как вполне порядочного человека. Хотя и разошлись, но великодушно обеспечил бывшую жену материально! Молодец! – выразила своё мнение Дина.

– Если бы всё было именно так! Было бы замечательно! Но! – опять заговорил Сергей. – Вот только ту премию он перечислил бывшей жене по нотариально заверенному обязательству. А это обязательство они с женой составили за много-много лет до присуждения самой премии! Каково? Оказалось так, что Альбертик, этот жалкий двоечник, уже тогда знал, что премию ему дадут! Дадут обязательно! Непременно! Откуда такая удивительная самоуверенность? Это почти как я бы сейчас перед вами похвалился, а через десять лет такую премию тоже получил! Кстати, когда Альбертику, наконец, решили дать Нобелевку (почему-то их поджимало), то не знали за что же ее присудить! Не за что было! Дело в том, что известную теорию относительности Альбертика, и общую, и специальную, тогда большинство ученых считали и считают до сих пор навязчивой чепухой. Они ее принимали в штыки, и с премией ничего бы не вышло! За ту теорию никак нельзя давать! Потому премию Эйнштейну дали опять же не за его работу, а за исследования, проделанные

даже не им самим, а неким французским физиком. Его работа была в области фотоэлектрического эффекта! Извините, фамилию сейчас не вспомнил. Кажется, Ленард или Леонард. Интересно, что он был непримиримым противником теории Эйнштейна! Но в итоге в Комитете по присуждению премий всё подстроили так, что того Ленарда еще и унизили публично, наградив за его труд не его, а не причастного к его работе злейшего врага – Эйнштейна! Это уже совсем трудно усвоить тем, кто свято верит в чистоту науки и всяких премий! Но Эйнштейн оказался не только липовым гением, навязанным нам, но и непотопляемым прохиндеем! Кто-то за него, предположим для начала так, очень настойчиво и убедительно в этом мире хлопотал! Настолько настойчиво и убедительно, что все ученые планеты раз и навсегда захлопнули свои рты и прекратили критику липовой теории Эйнштейна. А кто не прекратил, тот был уничтожен как ученый! А то и вообще... Получилось странно! «Один камень», как дословно переводится фамилия Альбертика, надёжно и надолго придавил собой всю мировую науку! А ведь он громадным никому и не казался! Так, мелочь на фоне действительных гениев того времени! Каково?

– Очень интересно! Это он тебе сам рассказал? – ехидно заметила Светлана.

– От него разве дождёшься!? Да и опоздал я с этим! Ведь даже на похоронах не присутствовал! – усмехнулся Сергей. – Но читал я как-то об этом! То, да сё! А кое-что нам в учили-

еще один настоящий профессор как-то рассказал! Интересный дядька! Мы тоже были весьма поражены! Потому в последующем я и стал к этой теме присматриваться! Всё ищу что-нибудь! Вот узнал как-то, что Альбертик призывал к созданию мирового правительства! А для нашей страны это стало бы потерей самостоятельности, а потом и полным уничтожением ненавистного этими Альбертиками коммунизма! Хорошо, хоть Сталин суть этих происков понимал и не допустил! Вот вам и Альбертик! Настоящие его делишки почему-то редко всплывают, потому население мира о них и не знает!

– Может, и теорию относительности, скажешь, он у кого-то украл?

– Конечно! Это общеизвестно, хотя распространяться не принято! У Пуанкаре и украл! Жил такой французский физик в то время. Он еще раньше опубликовал основные положения теории относительности, но сам же себя и раскритиковал. А потом и другие физики подтвердили, что он ошибался. Но Эйнштейн бессовестно все приписал себе, не обращая внимания, что красивая теория не соответствует реальности, а спорить с ним, это уже все поняли, было опасно для жизни! А Пуанкаре и те физики, которые сразу теорию Эйнштейна раздраконили и в хвост и в гриву, поочередно слегли в больницу! А дальше вы уже знаете! Каково?

– Да! Физикам теперь будет, о чём подумать! Они же на совсем бестолковых рассчитывали, когда нам мозги втира-

ли, а тут им, на беду, сам Сергей попался! – ехидно поддела Светлана. Она театрально вознесла руки к небу и произнесла наигранным роковым тоном. – Подруга моя, рядом по жизни смиренно идущая, я предлагаю воздать должное нашим славным артиллеристам, как павшим, там и ныне здравствующим! Пред нами маятся лишь один славный сын из их числа, но и он продемонстрировал незаурядные энциклопедические познания! Да что там – какие-то энциклопедические! Их всякий отрок способен из фолианта извлечь! Наш же славный сын поведал такое, что не всякому ученому специалисту ведомо! Будто разведчик какой, без меры эрудированный, принялся нам под присягой показания свои особенно ценные выдавать! Так слава же советским артиллеристам! Во веки веков – слава!

– Ладно вам пикироваться! – вмешалась Дина. – Мне, как всегда после воды, есть захотелось до невозможности! Так, может, сменим направление главного удара, говоря военным языком? Я всё правильно сказала, Серёжа?

– Я двумя руками за твоё предложение, подруга, – опять принялась наступать на Сергея Светлана, – но всё же хочу напомнить нашему уважаемому молодому профессору, что мы девушки тонкие, изнеженные, легкоранимые! С нами нельзя вести столь умные разговоры, в которых мы ничего не смыслим! А то мы почувствуем себя несведущими дурочками, обидимся на профессора за своё невежество и больше не захотим с ним встречаться! Правильно я сказала, подруга?

Дина ничего на это не ответила, сделала вид, будто поглощена подготовкой перекуса. И тогда Сергею показалось, будто Дине не понравилось заигрывание подруги с ее парнем, как она его, пожалуй, должна воспринимать. Но Сергей ещё не считал, что малая искра может оказаться огнеопасной. Здесь многое зависит от его дипломатического нейтралитета, который, уверен Сергей, не подкачает.

Через минуту на девичьей подстилке и заранее припасенной газетке «Комсомольская правда», всегда хоть чем-то интересной, появилась пара вареных яиц, пара огурцов и помидорчиков, плавленый сырок и два больших бублика по пять копеек.

Понимая, что сможет съесть всё это за один присест, Сергей попросил подождать его несколько минут и помчался наверх, туда, где вдоль асфальтового променада располагалось множество торговых точек.

Задача была сложной. Не только купить нечто, что понравилось бы девушкам, но, главное, сделать это очень быстро, чтобы не заждались. Потому Сергей поискал глазами место, где не оказалось длинной очереди, и, разумеется, такого не обнаружил. Везде стояли голые и голодные пляжники.

Тогда он купил три порции самого вкусного на свете мороженого, того, которое одновременно и самое дорогое, по двадцать восемь копеек, и на палочке.

Затем без очереди отхватил заманчивый продуктовый набор с копченой колбасой, вареным яйцом и еще чем-то

вкусным. Очень дорогой набор, потому покупали его редко. По той же причине продавщица, изнемогавшая на солнце в плотных белых одеждах, едва услышав, что нужно Сергею, без очереди продала ему тот дорогой набор. А очередь послушно промолчала, претендуя лишь на проваренные в сомнительном масле пирожки с повидлом. Но и они, надо отдать им должное, всегда чертовски вкусны, хотя всего-то по пять копеек. Но пирожки – в следующий раз! А теперь – вперед к девчатам!

Спустя минуту Сергей вывалил свою добычу перед щебечущими о чём-то своём девушками. Они его всё-таки дождались!

– Ого! Да теперь у нас пир горой! – шумно обрадовалась Светлана. – И даже с мороженым! Так мы, подруга, и свои ватерлинии потом не обнаружим!

– Не волнуйся! Сергей мастерски плавает! Видишь, он не только мои очки-утопленники спас, но еще и тебе какие-то на дне раздобыл! – сообщила Дина.

– Правда, Сергей? Так они мне? Спасибочки вам! Какие милые! А кто-то огорчился... Неужели их русалка в спешке обронила? – предположила Светлана.

– Ошибаешься, подруга! Русалки в соленой воде не водятся! Они в ней в селедок превращаются! – попыталась остановить подругу Дина.

– Ой! Не могу! Селёдки под водой да ещё в солнечных очках! С ума сойти! Какая милая экзотика кругом!

Все вдруг замолчали, с мощным аппетитом, который случается только вблизи моря, набросившись на еду.

Скоро Сергей догадался, что девушки, соперничая между собой, всё равно не успокоятся, пока он здесь. Потому заметил вслух, что его плавки достаточно высохли, чтобы можно было надеть брюки без компрометирующих последствий. Значит, ему пора уходить! Очень приятно было познакомиться! Возможно, как-нибудь здесь же встретимся опять.

– Конечно! – поспешно подтвердила Светлана. – Но зачем же ждать очередного лета? Можно встретиться и в этом сезоне!

– Да, да! – вставила своё слово Дина. – Я сегодня в полвосьмого буду на бульваре возле Пушкина и турецкой пушки. Вполне возможно, что и ты, Сергей, там окажешься! Ведь это любимое место всех гостей Одессы! А мы с тобой гости!

– Не я буду в это время на бульваре, а мы! – поправила Светлана, перечеркнув замысел Дины.

– Ну, конечно же, мы! Я просто не уточнила, в каком составе!

– Вот и отлично! – подытожил Сергей, ничего не обещая, затем надел брюки, попрощался с девушками малозначащими словами и направился наверх, к канатной дорожке, держа в руках до асфальта свои штиблеты, чтобы не набрать в них песок.

се его никто не ждал. И уж тем более не ждала его старушка-хозяйка, небескорыстно, разумеется, приютившая парня у себя в просторной квартире по линии Большого фонтана. Отдыхать при ней лежа днём ему было как-то неудобно. Зато оттуда было удобно добираться, главным образом, до пляжа. Но и до центра города, и куда угодно, не столь уж сложно.

Впрочем, он давно заметил, что в Одессе городские расстояния воспринимаются как-то иначе, чем везде, без нервов, без усталости. Наверно, потому что сейчас он в отпуске. Да и сам город, невероятно зеленый и разукрашенный цветниками, своеобразно приветливый, с неоправданно широкими тротуарами, конечно же, за счёт проезжей части, где всегда трудно продавиться автомобилям, не настраивал теперь Сергея на спешку. Опять же, скорее всего, лишь потому, что спешить ему действительно некуда. Всюду, где только мог появиться Сергей, то ли на пляже, то ли в ресторане, на бульваре или на любой улице, он имел полное право оказаться, когда ему вздумается.

А в театры, куда следовало приходиться строго ко времени, Сергея не тянуло. Первоклассные одесские труппы были на выезде, а в знакомых зданиях гастролировали малоизвестные ему и малообещающие труппы из других областей. В кино тоже не тянуло. Если день оказывался не пляжным, то Сергей просто гулял в парке Шевченко, или по давно знакомым улицам и переулочкам наугад. Это его радовало.

Большие города вроде Москвы, Ленинграда и даже буйно

зеленого Киева он категорически не любил. Не любил за высокую шумность, за дурные размеры, за ненормальные расстояния, за трудности поиска того, что неожиданно понадобилось, за взаимное безразличие, всюду обнаруживаемое в отношениях между людьми.

Но на Одессу такое его отношение почему-то не распространялось. Видимо, настоящая любовь к городу, как и любовь к людям, настраивает на значительные снисхождения.

Вечером, спустившись по улице Ласточкина на бульвар, Сергей повернул направо и, улучшив момент, втиснулся на плотно оккупированную отдыхающими скамейку. Рядом с памятником Александру Сергеевичу. Тут Сергей становился менее заметным, в то время как сам мог легко обнаружить Дину ещё на подходе. Остальные скамейки по всему бульвару тоже были заняты, хотя под тенистыми каштанами и платанами их стояло столько, что они едва не стыковались своими боковинами.

Всюду прогуливались влюбленные парочки, одинокие пенсионеры, те, которым не досталось места на лавочке, мамы с детьми... Влажный приморский воздух нёс в себе самые неожиданные запахи. И они не были постоянными, напротив, чередовались по мере того, как кто-то проходил мимо. Кроме постоянной свежести деревьев сквозь аромат петуний периодически пробивался то табачный дым, то женские духи, а то и аромат свежей ванильной булки.

Крупная листва из-за безветрия застыла в абсолютном по-

кое, но бульвар всё равно дышал перемещающимися по его аллеям людьми, он пульсировал, шуршал платьями, гудел голосами и звенел каблучками. И всё происходило как-то не очень громко, не раздражающе.

Сергей, появившись здесь задолго до назначенного срока, давно поджидал Дину, стараясь придумать, как ему с ней быть. Он даже не предполагал, как дальше могут развиваться их отношения в сложившихся обстоятельствах. Очень уж мало он с ней знаком и ничего о ней не знает. Ещё не успела возникнуть та простейшая дружеская ситуация, в которой человек способен раскрыться за три часа знакомства. Конечно, в другое время можно было бы и не торопиться, да только завтра в полдень поезд умчит его к месту службы. И потому с Диной у него вряд ли что-то продолжится. Получится ещё один холостой выстрел. Выстрел холостой, и он, Сергей, еще на год, по крайней мере, тоже останется холостым! Там, где он служит, всех невест давно разобрали, а новых пока не завезли! И избытка даже не предвидится!

Место нынешней службы Сергей своим домом не считал, поскольку дома как такового, где его ждёт любимая жена, где шумно возятся детишки, у него не было. Пока не обзавёлся, хотя давно этого хотел. И перед приездом сюда, в Одессу, имел твёрдое намерение после отпуска вернуться с женой. Если уж не привезти ее домой, так хоть здесь кого-то назвать невестой. Потом переписываться до следующего отпуска, а, встретившись, наконец, жениться. Прodelать всё это скорее,

по-военному, не выходило.

Но за прошедшие двадцать дней поставленная задача сама собой не решилась. Не кидаться же под ноги каждой с предложением познакомиться? Привлекательных девчат в Одессе навалом, да не попалась ему такая, за которой бы ноги сами понесли. А он искал именно такую.

Вот и Дина, пусть и нравится ему, как будто, но это лишь первое впечатление, часто ошибочное. Надо испытать человека, прежде чем соглашаться идти с ним на край света и, как говорится, до конца. А то хвостом вильнёт, как у многих товарищей получилось по приезду в нашу глухомань! Разнообразные жизненные обстоятельства нужны. В них человек непременно себя покажет. Тогда только гляди на него да выводы делай! Но для этого нужно время! А оно упущено. Да и курортное прозябание в безделье никак не способствует узнаванию. Здесь жизнь проходит так, что ее обычной человеческой никак не назовешь! Там трудностей – невпроворот! Там рутина давит изматывающей ежедневностью! Там хозяйственных забот полон рот! А здесь что? Не знаешь, чем заняться!

А если они действительно обе придут, вдруг подумал Сергей. Ведь он сразу заметил желание Дины отшить подругу, но и та не соглашалась, так сказать, добровольно отойти в сторону. Соперничество. Отношения между девушками заметно напряглись. Из-за него. Впрочем, Сергею это не льстило. Это лишь затрудняло его задачу, и без того непростую. Втро-

ём, прогуливаясь по бульвару, начистоту не поговоришь. Да и сами девчата опять начнут неприятно соперничать. Не получится доверительности. Каждая постарается завладеть его вниманием, чтобы привязать к себе. А ему придётся выбирать, хотя и остановился он первоначально на Дине. Однако же, как быть, если придут обе?

Сергей поглядел на часы, удивился и решил, что обе не придут! Теперь вообще никто не придёт. Видимо, девчата не договорились, в каком составе им выдвигаться на свидание. Потому ни одна не явилась. Неплохое решение! Хотя бы не рассорятся между собой. А, может, он неинтересен, а других у них здесь хватает? Скорее всего, ведь девчонки симпатичные!

4

И действительно! Незадолго до того между девушками пробежала чёрная кошка. Надо сказать, что пару месяцев назад Светлана не безболезненно отшила своего прежнего ухажёра.

Знакомы они были давно, и уже полгода без малого тот Андрей активно ухаживал за ней. Более того, он, пока не объявляя Светлане, думал осенью сделать ей предложение. Но в конце мая она совершенно беспричинно взбрыкнула. И огорошила парня, сообщив ему, что встречаться им больше не следует. Попытки Андрея выяснить, с чего это вдруг ее отношение к нему резко изменилось, закончилось тем, что серьёзных отношений, со слов Светланы, у них никогда и не

было. А причин для разрыва, с ее же слов, никаких нет и сейчас! Так что нечего затевать болезненные для обоих выяснения. Никто не виноват, что так получилось. Просто она решила, и всё!

Парень был уязвлён, но предпринял ещё одну попытку. Он явился к Светлане домой с букетов роз, ею любимых, как ни в чём не бывало. Не прошло! Букет, правда, следом за ним не полетел, но и всех разговоров хватило на тридцать секунд. «Я же тебе сказала! Или тебе нужно повторить медленно и два раза?! Повторяю, если с первого раза не понимаешь! Всё, Андрей! Понимаешь, всё! И букетами ты нашу пустоту не заполнишь!»

После того поступка, причин которого Светлана и сама не могла себе объяснить, она долго была взвинчена. А причина-то была простой! Ей внезапно открылась истина. Оказалось, что их время уходит впустую, пока они вместе. Андрей ей такой, какой он есть, не нужен. Он ей надоел! Надоела его предсказуемость. Надоели его речи, пристрастия, шутки, давно известные анекдоты. Надоела его обычная занятость на работе, где он инженерил, почти как раб, получая положенные несчастные гроши. На такие не очень-то разгуляешься! А когда появится ребёнок, то и вообще можно будет затосковать! Надоело даже то, что в рот заглядывал, поддерживая во всём и даже отгадывая желания. Он и не возразил-то ей ни разу, если по большому счёту! Надоело всё!

Правда, потом Светлана долго терзалась и была, как гово-

рят, не в себе. Буквально, кидалась в раздражении на каждого, не понимающего, что с ней происходит. И, в конце концов, решила позвать к себе в гости из Ленинграда давнюю хорошую подругу, у которой как раз в университете начались каникулы.

Всё получилось очень быстро и вполне удачно. Дина легко приняла приглашение (и чего ей летом в душном Ленинграде делать?) и тут же прикатила. С нею Светлана скоро забылась и совсем перестала себя казнить. Всё складывалось замечательно и, пожалуй, так бы и продолжалось. Но...

Ох уж это но! Как назло, сегодня между ними появился этот, как теперь кажется, очень неплохой парень. Вполне возможный ухажёр и даже, может стать, более того. В нем не только Светлана, но обе девушки угадали так ценимую всеми человеческую надёжность. Такой не подведёт! За таким девчонки бывают как за каменной стеной. Чего же ещё желать, если к концу подходит девятнадцатилетие?

Ещё на пляже оценив обстановку, Светлана решила, что подруга, в случае чего, от неё никуда не денется. Или пусть даже катит обратно в свой Ленинград, но этого хлопца надо непременно приворожить. Редкий подарок судьбы нельзя проворонить! Так что, извини, подруга, но в стороне от ваших отношений я не останусь. Хотя я несколько запоздала, допустив ваше знакомство прежде своего! Из-за этого у Дины вполне могло сложиться ошибочное мнение, будто она на Сергея имеет большие права, нежели Светлана! А поче-

му так, собственно говоря? Пусть Сергей сам разбирается! Пусть сам и выбирает. И выберет он, конечно же, ее, Светлану! А уж она для этого изо всех сил постарается! Уж она умеет это делать!

Но, поговорив с подругой по дороге домой достаточно бурно, Светлана смирилась. Очень уж ее об этом просила подруга. И дело было даже не в том, что Дина стала шантажировать ее немедленным возвращением в Ленинград и тем, что больше никогда... В общем, можно обо всём догадаться. Но Дина привела весьма важный аргумент, который и стал решающим:

– Только представь себе, что он подумает, если обе подружки, то есть, мы, ринемся на свидание, сломя голову. Какое мнение возникнет у Сергея? «Вон, как они из-за меня сражаются! Видимо, очень каждой хочется выйти за меня! Но ведь ни одна меня не знает! Почему же такое настойчивое стремление? Что-то в этом опасное проглядывается!» А если мы с тобой ещё и в открытую станем соперничать... Ну, скажет он, настоящий змеиный клубок! А мужики этого очень не любят. Даже боятся!

Подруги мирно договорились, что сегодня их рассудит жребий, а дальше будет видно! Решат по обстоятельствам!

Идти на свидание выпало Дине.

5

Почти обреченно, обходя на прощание Пушкина, Сергей неожиданно заметил в сторонке Дину, делавшую вид, буд-

то рассматривает пушку с потопленного в одесской бухте турецкого фрегата. Дина, пожалуй, Сергея ещё не заметила, а он, увидев ее, сразу обрадовался. По крайней мере, вечер не пропадёт напрасно. И пожалел одновременно, что не запасся цветами, которые тут, в общем-то, продаются всюду. Так что, не беда, если оказался без букета.

Дина тоже обрадовалась. Сергею это было очевидно! Вот и чудесно, подумал он, значит погуляем. Значит, не всё пропало!

– Только я ненадолго, – предупредила Дина. – Мне до десяти нужно быть дома. Иначе неудобно получится! Всё-таки я в гостях!

– Ничего нарушать не будем! – согласился Сергей. – А дом-то далеко?

– Рядом с Привозом.

– Так туда минут сорок обычным шагом! Так ведь? Ноги не болят?

– Не болят! – засмеялась Дина.

– Тогда, как вариант, предлагаю сразу выдвинуться в нужную сторону! Через бульвар по Ласточкина, потом по Дерибасовской, по улице Советской армии в сторону Привоза... Красивый маршрут! Возражения есть? Тогда медленным шагом, робким зигзагом прямо вперёд, рабочий народ! Если устанешь, от меня это не скрывай! Здесь такси поймать, без проблем. Любой частник с радостью довезёт, куда угодно. И всего-то за рублик! Так здесь принято! Независимо от марш-

рута! Удобно ехать, и удобно расплачиваться! Потом никаких переживаний и сомнений, не обманули ли вас, не ободрали ли!

– Ты Одессу, как я вижу, лучше меня знаешь, хотя я в ней выросла! – счастливо засмеялась Дина, видя как просто все с Сергеем решается. – Ты про всё откуда-то знаешь! А помнишь, ты мне ещё обещал про Пушкина что-то рассказать? Я поглядела сейчас на памятник и вспомнила. Расскажешь? Время теперь есть!

«Его-то, как раз, и нет» – с сожалением опроверг Сергей, но ничего не сказал. Ему предстояло утолить интерес дамы. Да и будет с чего начать разговор.

– Про Пушкина, говоришь? То, о чём никто не заикается? Это можно! Но это всё мои наблюдения и мои же сомнения. Возможно, мои выдумки! Нигде в официальных источниках подтверждения им ты не найдешь! Официально меня, если громко проговорюсь, за чудака примут, как минимум! Хотя, думаю, я для многих весьма вредным элементом покажусь! Могут что-нибудь пришить, а потом и прищучить!

– Это за Пушкина-то? – смеясь, не поверила Дина.

– А ты как думаешь? У нас же всё засекречено! На всякий случай! Народу многое знать не положено, чтобы не стал особо умным, наверно! Вот перед самой войной, в 1937 году, вдруг кто-то, скорее всего сам Сталин, вспомнил, что у великого русского народа просто обязан быть хотя бы один великий русский поэт! А где он? Оказалось, что нет такого!

Никто на эту роль не тянет! Это теперь все знают Пушкина, Лермонтова и еще кого-то, а тогда страна их не знала и не помнила. То есть, сразу после гибели, ещё в царские времена, забыла. Они не издавались, не переиздавались! А если и было что-то напечатано, то в мизерных тиражах, которые в библиотеках оседали. Вот никто и не знал ни писателей особо, ни поэтов! Горький, Шолохов, Маршак, Михалков, Чуковский, а более всех перед войной уважали, не поверишь, Михаила Зощенко. Он был невероятно популярен. Никто с ним и сравниться не мог, так народ его читать любил, и встречаться с ним на всяких писательских мероприятиях! И было ведь за что! А потом взяли и растоптали! Не пойму никогда!

– Прямо-таки не верится! – не до конца поверила и Дина. – Пушкина и никто не знал? Чудеса невозможные!

– Кто-то из специалистов, положим, знал! А Сталин о русском народе всегда особо заботился, как о фундаменте всего советского народа. Нашёл он Пушкина сам (а столько, сколько Сталин всего читал, никому, наверное, не по силам было ни тогда, ни теперь!) и предложил к столетию его гибели провозгласить великим достоянием великого народа. Так и сделали! Пушкина растиражировали для взрослых и детей! В Москве ему шикарный памятник на улице Горького к дате гибели открыли. И все Пушкина сразу полюбили! Всем он стал дорог! Все им восхищались и до сих пор восхищаются!

– Разумеется, кроме тебя! – засмеялась Дина. – Ты же у

нас большой оригинал, не так ли?

– Обижает! Конечно же, не так! Меня тоже многое восхищает. Хотя не пойму, зачем многочисленные стишки, вписанные лично Пушкиным в альбомы разных дам, поместили в его тома... Это же личное! Оно принадлежало только тем дамам, которым он писал! К тому же оно остается непонятным нашим современникам! Непонятным, а значит и неинтересным! Так, для объема, что ли? Ведь нельзя же те стишки расценивать как великое наследие? Перебор!

– Наверное, с этим я соглашусь! – подтвердила Дина.

– Так вот, после того сталинского возвеличивания Пушкина кому-то влиятельному очень захотелось, чтобы А.С. стал, как говорят, вообще до мозга костей народным. Стал бы своим в доску! Вот Арина Родионовна – это, конечно, наш человек! Она же от того самого народа, который родовых имений не имел! Она народному образу самого народного поэта России полностью соответствует! Потому о ней говорить не стыдно. Хотя и пила старушка, но кто же не пьёт? О ней советским людям говорить можно! А остальное? А остальное надо так отфильтровать, так отретушировать, чтобы Пушкин, не дай-то бог, от задуманной кем-то роли отойти не посмел! Он должен стать глубоко народным и более русским, нежели они сами! Настолько, чтобы никто не сомневался! Как было сказано – так было и сделано!

– Да о чём ты? Никак не пойму, какие несоответствия ты накопал? – удивилась Дина.

– Ну, хорошо! – согласился Сергей. – Время у нас ещё есть! Не увяло бы твоё желание меня слушать!

– Не беспокойся! Ты меня прямо-таки заинтриговал!

– Будь, по-твоему! Тогда вспомни, какое образование получил Саша Пушкин?

– Понятное дело, окончил Старосельский Лицей! Неужели что-то ещё? – усомнилась в своих познаниях Дина.

– А больше ничего и не требовалось! – подтвердил Сергей. – Это же было новое и самое престижное учебное заведение! Да еще под крылом монарха! Предполагалось, что оттуда станут выпускаться самые образованные люди России. Так и получилось. И им, конечно же, достанутся самые ответственные государственные посты! Потому что они – лучшие мозги и надежда России, оплот престола! Я ничего не перепутал?

– Ну и? – подтвердила непреходящий интерес Дина. – Ну и что же?

– И вот один из лучших выпускников лицея, понимаешь, о ком я, после выпуска занял какое-то странное место, соответствующее самому низкому государственному чину! Всего-то стал чиновником десятого класса в звании коллежского секретаря в Коллегии иностранных дел. По сути своих обязанностей он сделался толмачом, по-современному, переводчиком. И это унижительное назначение не есть государственное преступление? Это ли не глупость? Это ли не расточительство по отношению к казне? Но именно так нам все

годы и втюхивали про Пушкина! И добавляли, будто даже столь незначительную должность Пушкин, выпускник самого лучшего Лицея, получил лишь затем, чтобы его красавица жена, так понравившаяся самодержцу, имела право присутствовать на балах его величества! Мол, Пушкин именно с этим мизерным чином получил такое право, стало быть, и его очаровательная жена!

– Знаю, знаю! Так и говорили всегда!

– Да хоть и так всё было! Но с чего бы это лучший выпускник лучшего образовательного учреждения вдруг получил самый низкий чин? В этом-то и заключается первый парадокс, который я заметил! С его-то образованием, с его общественной активностью, с его талантами!

– А я думаю, что вполне могли наказать! Он же не всегда писал то, что угодно царю! Вот и осадил его за вольнодумство! – возразила Дина.

– Во-первых, никакого вольнодумства ещё не было... Во-вторых, в документах по случаю его гибели, хотя это случилось позже, была указана другая должность – камергер. А это уже генерал! Но ведь и о таком карьерном росте Пушкина нам ничегошеньки никогда даже не намекнули! Будто не было ничего! Будто он посмертно стал генералом! Правда, через архивные документы генеральский чин прошёл всего единожды и многими более поздними документами яростно опровергался... Оно и понятно! Мы же сами догадались, что генерала Пушкина уже трудноато представить истинно на-

родным выходцем! Отсюда и ярость!

– Ну, это, положим, лишь твои предположения! – опять усомнилась Дина. – А еще аргументы у тебя есть?

– В том-то и дело, что сколько угодно! И все они, сейчас перечислю, подтверждают мою догадку, что наш Шура был человеком весьма непростым! Даже среди тех, кто имел генеральские чины! Я так понимаю, если мерить по-современному, то он был на уровне генерала КГБ, то есть, генерала тогдашних тайных государственных служб!

– Ну, ну! И где же обещанные аргументы? одни предположения! Так ты его и в маршалы произведешь! – засмеялась Дина. – Где аргументы, старшой!

– Ладно! Тогда ты помнишь, Дина, по какому поводу жители Одессы собрали деньги на тот памятник Пушкину, от которого мы танцуем?

– Ну, конечно! Пушкин когда-то был в Одессе в ссылке.

– А ты посещала его маленькую квартирку на улице, названной в его честь Пушкинской?

– Разумеется! Я и не сосчитала все его комнаты, когда переходила из одной в другую! – заметила Дина.

– Вот, вот! – обрадовался Сергей. – Там можно поселить десяток современных семей, а занимал ее ссыльный титулярный советник, что приравнивается в пехоте к званию капитан! Почти как я! Но ссыльный! И я не занимаю целый этаж огромного дома! Впрочем, я пока не ссыльный!

– Тебе просто не повезло! – засмеялась Дина.

– Допустим! Но на Мойке в Ленинграде ему опять повезло? Там тоже весь этаж был его! Ничего себе, какой-то там капитан! Так в то время разве все капитаны жили?

– А гонорары?

– Я как-то знакомился с его гонорарами! На них, как он сам писал, ни жить, ни умереть было невозможно! Гонорары отпадают, а сколь-нибудь значимого наследства у него не было! Но целые этажи снимал! И в долговую яму его никто так и не посадил, хотя именно это и должно было случиться! Любого бы посадили, а его – нет! Видно, не таким уж простым капитаном был тот Саша Пушкин! Как-то не вяжется столь роскошная жизнь с его простотой! Видно, высокий чин всё же имелся!

– Да! Это действительно странно! – согласилась Дина. – Странно для меня и то, что я, когда была в квартирах Пушкина и в Ленинграде, и в Одессе, сама до этого не додумалась. Ведь размеры квартир и впрямь огромны, а меня это не удивило! Думала, будто тогда все так жили!

– Понимаешь? Пушкин в Одессе был политическим ссыльным, как нас уверяют! То есть, на нем была черная политическая метка! Основательная метка! Чуть ли не арестант! Чуть ли не в кандалах! Но в таком случае от него в высшем свете все бы шарахались как от государственного преступника или от кандидата в оного! Зачем кому-то на себя столь плотную тень бросать! А ведь его нисколько не чурались! Напротив! Как нам утверждают, к Пушкину тянулись!

Пушкина приглашали на все балы и званые обеды. Он даже волочился за женой губернатора Воронцова. Хотя, скорее всего, это светские сплетни. Но то, что Пушкин этого губернатора публично оскорбил, выставив «полудураком и полуневеждой», это же зафиксировано в стихах на веки! Странно, но даже после такого пассажа не последовало серьёзных последствий! Ни дуэли, ни ужесточения ссылки! Заслали бы в Сибирь на каторгу, и всё! Конец великому Пушкину! Почему ему всё сходило с рук? Разве это не парадокс? Разве не загадка, которая имеет одну отгадку! На самом деле, он был не тем, за кого нам его выдают! Он был не только высокопоставленным генералом спецслужб, но и весьма влиятельным человеком, ссорится с которым опасались даже люди, занимавшие более высокие государственные посты!

– Преувеличиваешь! – не согласилась Дина. – Всего одиного одесский губернатор граф Воронцов! Может, он был беспросветным трусом, вот и не пошёл на открытый конфликт, на скандал!

– Совсем нет! Давай вспомним первую якобы ссылку Пушкина. Она была южная, в Молдавию. Ещё до Одессы! И, видимо, воспитательных целей в отношении опального поэта так и не достигла! Потому его повторно сослали отдохнуть уже на побережье Чёрного моря! – засмеялся своей догадке Сергей. – Но в Молдавии он такое учудил... Это всё не байки какие-то! Это зафиксировано документально! У него в гостях (Пушкин квартировал у своего начальника генера-

ла, кажется, Инзова. Ничего себе, ссылка! Да в той ссылке он ещё и на службе находился! Чудеса, если не ложь! И был близок к самому большому местному начальнику! Более того, еще и масонскую ложу в Кишиневе заодно организовал! А на это самые высокие полномочия требовались! Ничего себе, ссыльный – особо доверенное лицо мировых масонских лож!) перебивали самые высокопоставленные тамошние люди. То есть, опального поэта совсем никто не сторонился! В его доме ежедневно устраивались попойки! За счет гостеприимства Пушкина, разумеется. За счёт того Пушкина, который, как нам официально известно, одновременно пребывал в тяжёлой ссылке! Это тоже известно. Но и этого мало – Пушкин и в свет выезжал регулярно. Однажды, что тоже знают все пушкинисты, он явился в тамошний элитарный клуб. Как раз играли в бильярд. Пушкин был весел, развязан и пьян, но не настолько, чтобы не контролировать себя. Тем не менее, он умышленно раскидал на столе все шары, поломав игру и испортив влиятельным людям настроение! Такой наглости тогда невозможно было даже представить, тем не менее, все ее стерпели. Всё как-то обошлось! Представляешь? Ему сходила с рук любая самая наглая выходка. Вот и возникает вопрос, с какой это стати? Почему же за делишки, которые должны были кончаться, по крайней мере, дуэлью, Пушкина всегда прощали? Не потому ли, что из-за его чина с ним боялись связываться? Вот сегодня, допустим, пришел бы Андропов в некую теплую компанию и так же разрушил

игру. Разве кто-то решился с ним конфликтовать? Всё свели бы к шутке! Даже подхалимы нашлись бы, которые еще и аплодировать стали! И слащаво подпевать: «Смотрите, какая прелесть, Юрий Владимирович!» Разве не так? Вот и тогда было не иначе!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.